

Анн Плишота
Сандрин Вольф

ГОМЕР ПИМ

И секрет Одиссея

КомпасГид
издательский дом

Сандрин Вольф
Гомер Пим и секрет одиссея

ИД "КомпасГид"

2019

УДК 821.133.1-311.3-93+312.9-93
ББК 84(4Фра)-445

Вольф С.

Гомер Пим и секрет одиссея / С. Вольф — ИД "КомпасГид",
2019

ISBN 978-5-907514-48-5

Прошло почти пять лет с тех пор, как отец Гомера исчез. Никаких следов и улик, словно растворился в воздухе! Только его маленькая киностудия на заднем дворе не дает Гомеру покоя. Особенно после того, как один из актеров папиного фильма пытался проникнуть в ее наглухо закрытые двери... Гомеру Пиму и его лучшим друзьям – Лилу́ и Саша́ – придется расследовать исчезновение папы без помощи взрослых: те ни за что не поверят. В день рождения мальчику подарили сообразительную мышку-песчанку, которая так и рвалась в киностудию. Она провела Гомера внутрь, и обнаружилось немыслимое: отец – пленник собственной киноленты о мифических путешествиях Одиссея и параллельном мире, населенном необыкновенными существами! Другам придется проявить хитрость и мужество, чтобы спасти его – конечно, не без помощи говорящей песчанки. Анн Плишота и Сандрин Вольф – авторы популярного цикла фантастических книг «Окса Поллок» – стали создателями еще одной невероятной вселенной, полной приключений, загадок и тайн. Если вы зачитывались мифами Древней Греции или мечтали оказаться на месте героев «Перси Джексона» – эта книга точно для вас! Гомер Пим – обычный мальчик 12 лет, не полубог, не легендарный воитель из древнегреческих мифов, но, несмотря на все препятствия, он становится настоящим героем, как в книгах «Эван Картье», «Код Ореста» и «Книга времени». Вместе с ним вы отправитесь в увлекательное путешествие и поймете, как на самом деле дороги дружба и семья.

УДК 821.133.1-311.3-93+312.9-93

ББК 84(4Фра)-445

ISBN 978-5-907514-48-5

© Вольф С., 2019
© ИД "КомпасГид", 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анн Плишота, Сандрин Вольф

Гомер Пим и секрет Одиссея

*Мальчишкам и девочкам, которые умеют верить в чудеса и
видеть незримое*

Originally published under the title
Homer Pym et le garçon du film – Tome 1
by Anne Plichota and Cendrine Wolf

© Hachette Livre, 2019

© Перевод, оформление, издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Тинбук»,

2022

Глава 1

Гомер не сказал бы, что денек выдался скверный. Но и чудесным его тоже не назовешь...

Он отпраздновал свое двенадцатилетие, все прошло как положено. Верные друзья, Лилу и Саша, подарили ему компьютерную игру, о которой Гомер давно мечтал, и с обеда до самого вечера все трое вместе осваивали ее. А потом Нинон, его молоденькая тетя, приготовила шоколадный торт – такой воздушный, что все облизывались в нетерпении.

Да, все прошло как положено. Грустно прошло, если честно. Потому что вот уже пять лет каждый день рождения Гомер ни на секунду не мог заставить себя забыть о том злосчастном дне, когда исчез его отец, Давид Пим.

Когда пришел черед задуть свечи, его мама Изабель быстро обежала вокруг стола, нащелкала фоток на телефон, обняла сыночка, попробовала торт, а потом, как всегда, уединилась у себя в кабинете. Ибо если она не была на работе, то есть в ателье по ремонту и пошиву текстильных изделий, поглощавшем почти все ее время, маму всегда можно было застать в этой темной, неубранной и непроветренной комнатке.

Давид Пим испарился, будто по шелчку пальцев факира. В тот день все рухнуло. Настоящая катастрофа. С тех пор Изабель очень изменилась, особенно ее отношение к Гомеру. Внимательная, сияющая и участливая мать превратилась в суховатую, почти избегающую общения даму, сломленную горем.

После утраты мужа, да еще при столь странных обстоятельствах, она так и осталась безутешной. Что уж говорить о долгих месяцах полицейского расследования, подозрений, ложных следов, нездорового любопытства со стороны соседей и прессы, несносных намеков: блудный муж сбежал с любовницей – вот как, стало быть, выглядел для всей округи Давид Пим, и нечего-де искать прошлогодний снег.

Все это в конце концов подточило Изабель изнутри.

Со временем Гомер понял: он потерял не только отца, но отчасти и мать.

Хорошо, что в доме жила еще и Нинон. Ее, веселую девятнадцатилетнюю брюнетку, частенько принимали за старшую сестру Гомера, а ведь она приходилась младшей сестрой Изабель. Дедушка с бабушкой по материнской линии, едва успев выйти на пенсию, продали все свое имущество и попрощались с ними, чтобы наконец-то воплотить в жизнь давнюю мечту – отправиться в кругосветное путешествие в своем автофургоне, «доме на колесах».

Но дела семейства нужно было как-то утрясать, и вот компромисс найден: Нинон теперь три дня в неделю училась в инженерном колледже за сотню километров – изучала домашнюю электронику и, вместо того чтобы снять жилье в городе, жила у Пимов, приглядывая за племянником. Семья для нее была на первом месте – а уж особенно в такие трудные времена.

Сейчас в Гомере боролись два противоречивых чувства: с одной стороны, он был рад, что ему уже двенадцать и он вместе со своими гениальными друзьями вот-вот успешно перейдет в пятый класс – через два дня классный совет, и решение примут официально.

Но, с другой стороны, его по-прежнему терзала горечь утраты. Сколько людей думает, что отец начал новую жизнь на стороне... А вот он, как и мама, в это не верил. Никогда не бросил бы их так Давид Пим, не подав ни малейшей весточки, и ни за что не смог бы вынести, что его сын так несчастен.

Это было просто невозможно.

Гомер забрался на водительское место в машине, уже пять лет стоявшей в одном из гаражей. Отцовским кремом для бритья в ней больше не пахло, но сколько всего еще тут напоминало о нем! На спинке переднего сиденья – коврик из деревянных шариков, чтобы не уставала спина, на заднем сиденье – забытая кепка цвета хаки, к солнцезащитному козырьку на лобовом

стекле прикреплена семейная фотография, брелок для ключей с фигуркой Эола – греческого бога ветров... и даже ветхая узловатая веревка, которую обожал покусывать пес Раймон, живший в семье Пимов. Милейший шибба-ину исчез одновременно с хозяином. От него осталась только игрушка, источавшая кошмарный запах, и кусочки шерсти на ковролине, которые ни у кого так и не хватило духу собрать.

Все оставалось так, будто Давид Пим вполне может – о, если бы это случилось! – с минуты на минуту вернуться, приветственно помахать всем рукой и, включив музыку на полную громкость, умчаться на съемочную площадку. Гомер любил усесться на переднее сиденье и взяться за руль, которого так часто касались руки Давида Пима; тогда он вволю размышлял о многом и страстно ждал какого-нибудь знака. Но ничего не происходило.

Гомеру было хорошо известно, что гараж нужно запереть на два оборота и больше не ступать сюда ни ногой. Воспоминаний, таких живых, было столько... но они не утешали, а печалили. И все-таки время мало-помалу шло, и он подумал: неплохо было бы устроить себе здесь берлогу. Нинон помогла ему, натаскав отовсюду старые шкафчики, софу, покрытую разноцветными пледами, слегка капризничавший телик с консолью для игр, древний холодильник, электрические гирлянды с россыпью цветных лампочек... Машина дополняла эту необычную и громоздкую обстановку.

В берлоге Гомер проводил много времени, ему случалось даже спать здесь. Часто сюда заходили Лилу и Саша, вместе они создали рок-группу «Треугольник»: Лилу играла на гитаре и была солисткой, Саша – клавишником, а бывало, и подпоет, Гомер за ударника. Когда не репетировали, то играли или обсуждали мировые проблемы, жуя M&M's или грызя чипсы на укусе, от которых их передергивало.

Это была самая хорошая часть его жизни.

Гомер осторожно снял дрессированную песчанку с пульта от телевизора и сунул себе под мышку. Ему нравилось чувствовать, как она там тихонько шевелится, и пусть он уже не был маленьким ребенком – все равно этот зверек был для него живой игрушкой.

Эта песчанка, которую ему накануне подарила Нинон, казалась еще проворнее прежней – ту ему преподнесли на семилетие, и она уже три месяца как окончила дни свои на этом свете. В тот день он, спрятавшись от нескромных взглядов, немного поплакал – ведь это маленькое существо так нравилось его отцу. А сейчас вот почувствовал, как ему хочется сказать что-нибудь ласковое зверьку, столько лет бывшему его другом.

Гомер нежно погладил медового цвета шкурку на спин ке маленького грызуна и вылез из машины, так осторожно закрыв дверь, точно это была хрупкая старинная драгоценность.

Глава 2

Порывы теплого ветра, как часто бывало, доносили до него эхо океанского прибоя, волн, разбивавшихся о прибрежные скалы неподалеку от дома Пимов.

Гомер с его воображением привык усматривать во всем вокруг нечто скрытое, чего не видит глаз и не слышит ухо. Форма облачка, полет стрекозы, щебетанье птиц... знамения, видевшиеся ему в этом, он истолковывал очень далеко от реальной жизни. Вот и сегодня, например, ветер пустился во все тяжкие, стараясь показать ему мир, который дышал, двигался, жил, как и он сам.

– Привет, Добрячок! – крикнул он розовому поросенку, возившемуся в загончике рядом с домом.

Добрячок повернулся к нему мордочкой, как всегда улыбавшейся, продолжая жевать не то картофелину, не то хлебный мякиш – не разобрать. Гомер с мамой нашли его на следующий день после того, как исчезли Давид Пим и шибба-ину Раймон. Они были в такой тревоге, что им не хватило ни сил, ни желания выяснять, чей это поросенок. Просто оставили его себе, тем более что за ним никто не пришел.

Первые два года Добрячка можно было держать в доме, он был совсем ручной. Нет, красавца Раймона он никогда бы не заменил, но и ему нашлось свое место.

Потом поросенку, уже подростку, из-за его плачевной нечистоплотности устроили жилище в саду. С тех пор Изабель нередко приходилось гоняться за ним, чтобы окатить струей воды из шланга, как следует помыть с ног до головы, вытереть насухо и побаловать остатками пищи, которые он поглощал с радостным хрюканьем.

Гомер часто заставлял маму о чем-то с ним разговаривавшей. Что такого она могла доверить... свинье? Это было странно. Но, в конце-то концов, не более странно, чем беседовать с песчанкой, а ведь он сам часто так делал.

Он погулял по саду, где-то ухоженному, а где-то – не очень, и прошел мимо высокой сосны, на толстых ветвях которой отец когда-то построил для него домик, сейчас уже сильно обветшавший. Остановился у корней пробкового дуба: под ним он сам когда-то сложил груды камней, увенчав ее крестом из ветвей. – Привет, малыш Биби, представляю тебе малыша Биби-Два, он только что стал членом семьи, – сказал Гомер, поглаживая шерстистую головку песчанки, напуганной порывом ветра.

Он уселся перед горкой камней, скрестив ноги по-турецки, и принялся рассказывать о прожитом дне, как всегда и делал, уверенный, что какая-то ниточка связывает первую Биби с его отцом. Ах, Гомер никогда – НИКОГДА! – не верил, что отец мог... распрощаться с жизнью. Наоборот, в глубине души ясно чувствовал, что он здесь, жив, и был уверен в его возвращении. – Эй, малыш, ты куда? – вдруг вскрикнул он, вскочив.

Песчанка вырвалась и мгновенно скрылась в зарослях садовых трав, таких высоких, что за ней было не уследить.

– Биби-Два! – позвал Гомер.

Наконец он ее увидел – на вымощенной дорожке, где, как он и предполагал, песчанка ждала его, стоя на задних лапках и вперившись в него крохотными глазками. Стоило ему приблизиться, как она снова побежала к гаражам, прилежавшим к дому, а затем к хижине, стоявшей в стороне. Когда-то здесь играли дети, а потом дедушка Гомера и позже отец устроили в ней студию для монтажа фильмов. Там было логово Давида Пима.

Гомер замер. Последними туда входили полицейские, как раз перед тем как расследование, длившееся месяцы и не давшее никаких результатов, было прекращено. Тогда-то Изабель Пим закрыла ставни, заперла дверь, опустила ключ в карман и уединилась у себя в кабинете.

Затаив дыхание, Гомер остановился в нескольких метрах от запретной постройки. Песчанка ждала его на пороге, поглядывая до ужаса хитрющими глазками. – Туда нельзя, – забеспокоившись, прошептал Гомер.

Дрожа, он махнул руками, словно зовя маленькое существо к себе.

– Иди же сюда, иди. Это уже не смешно.

Удивительно, но Биби-Два послушалась и ушла с порога, стремительно взобравшись на гостеприимное плечо юного хозяина.

Гомер вернулся в дом и прошел на кухню, ему стало не по себе от того, что он так близко подходил к студии. Он налил и выпил большой стакан газированной воды; в животе сразу заурчало. Потом посадил песчанку на стол и, опершись на него локтями и обхватив руками голову, стал наблюдать, как зверек лущит семечки подсолнуха. Гомер давно уже успел привыкнуть к этому зрелищу, и все-таки оно ему не надоело. – Ты вошла в нашу семью и должна знать, что есть две-три вещи, которые ни в коем случае нельзя делать у Пимов, – вполголоса начал он. – Первая – запрещено входить в хижину. Вторая... ладно, то же самое. И третья – то же самое. Ты поняла?

Он готов был поклясться головами всех, кого так любил: только что Биби-Два едва заметно кивнула очаровательной мордашкой. Гомер отпрянул. Не иначе как он переел шоколадного торта и теперь у него галлюцинации...

– Черт-те что, – и он возвел глаза к небесам.

– Это ты про что? – спросила Нинон.

Гомер вздрогнул. Он не слышал, как вошла тетя.

– Нет-нет, – ответил он, – ничего.

Нинон заметила на столе песчанку и погладила ее по головке.

– А ведь ты и правда прелесть! Но твоему хозяину следует отнести тебя в свою комнату...

Потому что, сам знаешь, кое-кто не оценит ее присутствия здесь.

Гомер с досадой взглянул на Нинон.

– Ты думаешь? – бросил он. – А мне вот кажется, что ей скорее наплевать... на Биби, на мой день рождения, да вообще на все на свете.

В веселых глазах Нинон мелькнула печаль.

– Твоей маме не плевать, Гомер, и ты сам это прекрасно знаешь.

– Ну как же, конечно, вот только не скажешь, что это бросается в глаза!

Нинон безропотно вздохнула и открыла холодильник в поисках идей для обеда.

– Ну что, каково это – полных двенадцать?

Гомер пожал плечами, не зная, что сказать.

– Ты прав, – продолжала Нинон, – это ничего не меняет. Разве что дает официальное право на некоторые ужастики – ну вот «Берегись», например, или «Оно»...¹ Гомер обрадовался. После прошлого просмотра ужастика, хотя он никому бы не признался в этом, его чуть ли не месяц доводили до приступов паники то хлопающий ставень, то скрипнувшая ступенька. Но тут-то дело другое – он смотрел бы на экран, а рядом сидел бы кто-нибудь из взрослых.

– Классно! – воскликнул он. – Такого я еще не видел. Можно начать сегодня же вечером?

– Гм... позволь напомнить, что завтра идти в школу.

– Так это же конец года, учителя уже заполнили журнал, и я перехожу в пятый!

Нинон, раздумывая, сунула пиццу в духовку.

– Да уж, самый мой любимый племян, всегда-то у тебя доводов через край...

Она уже давно звала его «племян», а не «племянник». А услышав про «самого любимого», Гомер лишь улыбнулся: он-то знал, что племянник у Нинон только один, как и она у него – единственная тетя.

---

¹ В России у этих фильмов возрастное ограничение 18+. – Прим. ред.

– Может, спросишь разрешения у мамы? – посоветовала она.

– Ага.

Нинон, истинное воплощение домашних устоев, никогда не преувеличивала свою роль: она приходилась Гомеру тетей, а вовсе не матерью.

Мальчик прошел через гостиную и коридор и постучал в дверь.

– Входи! – ответил голос изнутри.

– Мама! Как ты?

– Проходи, дорогой мой.

Изабель Пим никогда и никого не устаивала ответом на вопрос «Как ты?». Хотя она и сидела за рабочим столом, но выглядела подавленной и праздной. Да и комната, скажем прямо, не очень-то располагала к радости – все стены уставлены книжными полками, до которых никогда никто не дотрагивался. Почти все книги рассказывали о вой нах или военной истории – вторая страсть дедушки Гомера после кинематографа. Именно от него Давид Пим перенял и свое увлечение седьмым искусством – такое сильное, что оно стало его профессией.

Устрашающую библиотеку Давид унаследовал вместе с семейным домом десять лет назад. Все другие комнаты были обновлены, проветрены, заново обставлены – к счастью! Но не кабинет, оставшийся нетронутым, точно святилище.

В воздухе плыл сладковатый запах. Изабель Пим никогда не бывала пьяной, но ей случалось выпивать в одиночестве в этой мрачной комнате. Гомер был в этом уверен. Эта мысль столь же огорчала его, сколь и вызывала отвращение.

– Нинон поставила греть пиццу, хочешь? – спросил он.

– Нет, я еще немного поработаю. Не беспокойтесь обо мне.

«Легко сказать», – подумал Гомер.

– Мы оставим тебе кусочек. Ты сможешь сама разогреть.

– Это мило, спасибо.

– Мама, я хотел спросить кое-что...

– Говори, дорогой мой.

– Можно мне посмотреть фильм вместе с Нинон? Если начать прямо сейчас, то все закончится к десяти часам, а завтра мне на уроки только к девяти. И к тому же оценок ставить не будут, учителя уже заполнили журнал...

Он выпалил все одним махом, поскольку убедить маму было легко – одна из немногих черт, которые в ней остались прежними.

Она жестом подозвала его. Почти нехотя он подошел к ней. Даже когда мама улыбалась, вид у нее все равно был грустный, и Гомер давно понял: у него никогда не хватит сил, чтобы исцелить ее от глубокой боли, целых пять лет мучающей ее изо дня в день.

Она прижала его к себе, и это тоже выглядело печально. С любовью, но печально.

– А что за фильмы? – спросила и вдруг спохватилась: – Подожди, я сама догадаюсь... Ужасы?

Гомер кивнул.

– Ладно, – мягко согласилась она. – Но, пожалуйста, что-нибудь не слишком кровавое.

– Обещаю, мама, спасибо!

Гомер едва не предложил ей посмотреть фильм вместе с ними. Но она, как всегда, нашла бы какую-нибудь отговорку. Лучше избавиться ее от неловкости.

Он повернулся, чтобы поскорее выйти из кабинета. Жаль, если мама подумает, будто он приходил только затем, чтобы спросить о кино. Это, конечно, правда – но ведь не всякая правда в строку, как сказано в поговорке, а?

– Гомер?

Уже держась рукой за дверную ручку, мальчик обернулся и встретил взгляд голубых глаз, потускневших за столько горестных лет.

– С днем рождения, выросший мой.

– Спасибо, мама! – опять сказал он.

Прислушайся он сейчас к своему сердцу – ринулся бы к ней со всех ног, поцеловал бы, рассказал о последних шалостях Биби-Два, об успехах в новой компьютерной игре, о недавней причуде учителя по французскому – с вдохновенным видом читать хокку ничего не понимавшим в них детям – и о подаренной ему Лилу забавной заводной собачке, которая спала на спине и оглушительно храпела.

Но мама повернулась в кресле и смотрела через окно в сад, она была уже не здесь, вне этого кабинета и далеко от сына.

Тогда Гомер вышел, тихонько затворив дверь. А что еще ему оставалось?

Глава 3

И вот Гомер наконец отбил последние такты на своей ударной установке, а Лилу и Саша завершили композицию аккордами на гитаре и синтезаторе. Это была их собственная переработка отрывка из репертуара Arctic Monkeys, и в исполнении трио она с каждым разом звучала все лучше и лучше.

– Ну круто же? – воскликнула Лилу.

– Ага, класс, – подтвердил Саша.

Они обернулись к Гомеру – тот, кажется, выглядел посдержаннее.

– А ты как думаешь? – спросила его Лилу.

– Думаю, это... уже вполне серьезно!

Они улыбнулись, каждый по-своему. Вот в такие моменты и проявлялась сила их дружбы. Они давно и хорошо понимали друг друга. Да что там, так было всегда или почти всегда: Гомер и Саша подружились еще в детском саду, а Лилу примкнула к паре товарищей в первом классе.

Неразлучные, они так и жили настоящим маленьким отрядом, сплоченным, всегда действовавшим заодно. Но при этом невозможно быть более непохожими друг на друга, чем они. Впрочем, в этом, быть может, и таился секрет их дружбы.

Гомер – хрупкий, с вечно взъерошенными белокурыми волосами и слегка меланхолическим взглядом светлых глаз – обладал любопытным, живым, изобретательным характером. Лилу – нежная брюнетка с черными бархатными глазами – из взбалмошной, но дружной семьи, где она росла с четырьмя старшими братьями, очень находчивая и смелая, с идеальной памятью. Непоседа Саша – с каштановыми кудрями и лазоревыми глазами – повергал девочек в неподдельное волнение. К сожалению, в порядочность Саша никто не верил: наверняка он такой же, как его отец и оба старших брата – всем известные скандалисты и мелкие мошенники. – Так что, всё заново? – предложила Лилу, поправляя перевязь гитары.

– Давай, поехали! – поддержал Саша.

– Подождите-ка... вы ничего не слышите? – спросил Гомер.

Друзья прислушались, но в гараже царила полная тишина. Они, не сговариваясь, взглянули на дверь, которая вела вниз, в подвал, и оттуда на кухню. Потом вопросительно уставились на Гомера. В гараже, здании старой постройки, часто раздавались довольно странные звуки, и вздрагивать троице было уже не впервой. Первые два года после исчезновения Давида Пима малейший шорох, скрип или треск наводили на мысль, что сейчас появится... его призрак, не нашедшая покоя душа, блуждающая в таинственных потусторонних мирах. Все трое не могли отрицать, что были у них и такие страхи...

Но тогда они еще были маленькими. А теперь им уже по двенадцать – кроме Лилу, у нее день рождения впереди, только в августе, – и стыдно бояться всяких пустяков.

Но тут звук раздался опять: нет, не глухой треск стен и не стоны древней канализации – это был человеческий крик!

Положив музыкальные инструменты, они выскочили на улицу. Гомер сразу застыл, а Лилу и Саша успели в замешательстве посмотреть друг на друга: худенький невысокий юноша в темном спортивном костюме бился о дверь запретной хижины, истошно выкрикивая:

– Пустите меня домой! Мне надо к своим, умоляю вас!

Как ни пытались Лилу и Саша удержать Гомера, он все-таки подошел к юноше, который стучал по двери и царапал ее с неудержимой яростью.

– Моя жизнь там, а не здесь!

Почувствовав, что сзади кто-то есть, он обернулся. Гомер инстинктивно отступил. Молодой человек быстро-быстро захлопал ресницами, что выдавало его крайнее возбуждение. Стуча в дверь, он изранил все пальцы, и его руки словно сводило судорогой от боли. Блед-

ный, с всклокоченными светлыми волосами, он дрожал всем телом и вызывал одновременно и сочувствие, и страх.

Но Гомер испытывал сейчас совсем иное чувство: он был ошеломлен.

Молодой человек захрипел и принялся опять неистово барабанить в дверь.

– Да когда же наконец хоть кто-нибудь поймет, что они там, за ней? – стонал он.

Вдруг раздался вой сирены: на аллее, ведущей к дому, появилась полицейская машина. Саша тотчас же отбежал, скрывшись за кустом гортензий, – с его-то семейкой точно впору было ожидать, что приехали за ним.

Молодой человек в спортивном костюме тут же кинулся наутек, но словно бы не зная куда. Вместо того чтобы спрятаться в саду, он начал метаться, как зверек, посаженный в клетку, так что возникало странное впечатление, будто этот парень совсем не умеет бегать. К нему направились двое полицейских, вышедших из машины. Он в панике оттолкнул Гомера, и тот повалился наземь.

Полицейские подскочили, и один из них без труда обезвредил юношу, заломив ему руки за спину.

Потрясенная Лилу помогла Гомеру встать.

– Все в порядке, малыш? – осведомился один из полицейских офицеров.

– Да, – кивнул Гомер, ужасно волнуясь.

– Это ты здесь живешь? Родители дома?

– Нет, только мы.

Второй полицейский говорил по рации, висевшей у него на плече:

– Да, нашли его, сейчас привезем... Да, в Гренатье, без проблем...

– А что он натворил? – спросил Гомер.

– Сбежал из больницы. Он немного того... – и полицейский покрутил пальцем у виска.

Заметив это, молодой человек стал отбиваться еще сильнее.

– Я не психованный! Я хочу найти своих – Одиссея, моего отца, и Пенелопу, мою мать!

– Ну конечно... а мои папа с мамой – Жозефина и Наполеон Бонапарт, – любезно заулыбался офицер, кланяясь ему с подчеркнутым уважением. – Идем же, Телемах, тебе время принимать пилюли.

И полицейские увели его, не обращая внимания на озадаченные взгляды Гомера и Лилу. Отъехавшая машина быстро исчезла в облаке пыли.

– Что это было? – пробормотал Саша, выходя из своего укрытия.

– А вернее сказать, кто? – уточнила Лилу.

– Жорж... это был Жорж Финк, – бесстрастным голосом произнес Гомер.

– Жорж Финк? – переспросила Лилу.

– Этот парень играл Телемаха в фильме моего отца и был с ним в тот вечер, когда он исчез.

Память о той сцене с годами немного поблекла, и все-таки Гомер не забыл криков мамы, когда молодого актера, одетого в красный редингот² с позолоченными пуговицами, нашли одного, с блуждающим взглядом, прямо в монтажной студии, куда Давид Пим пригласил его на просмотр отснятого материала. Речь у него тогда была такой же бессвязной, как и сейчас. «Прекратите называть меня Жоржем, прошу вас! – вопил он со страшным лицом. – Меня зовут Телемах, а мои родители – Пенелопа и Одиссей!»

А совсем он разбушевался, когда приехала мадам Финк, за которой отправили посыльного: «Я к вам не пойду, вы мне не родители, я хочу к себе домой, а не к вам!» Приступ повто-

---

² Редингот – мужская верхняя одежда конца XVII – начала XIX века, нечто среднее между пальто и длинным сюртуком. – Прим. ред.

рился, стоило им попытаться посадить его в машину. Тут уж пришлось позвонить в скорую помощь, и Жоржа отвезли в больницу в состоянии крайнего перевозбуждения.

Позднее следствие по этому делу заинтересовалось юношей, которому тогда было тринадцать лет. Оказалось, он был последним, кто видел Давида Пима и Раймона. Но, судя по тому, что знал Гомер, разрабатывать этот след отказались. Даже если Жорж что-то знал или видел, никаких достоверных сведений от него ждать не приходилось.

Он был не виновником, а жертвой.

Глава 4

Ну и как после такого уснуть? Гомер ворочался в кровати, мысли осаждали его, воспоминания накатывали, как бурный морской прилив, и ничто не могло их остановить.

За прошедшие пять лет ему так и не удалось забыть обезумевший от тревоги взгляд мамы и ее полураскрытый рот, словно ей не хватало воздуха, а Гомер все приставал к ней: «Где же он, где папа? Мама, ну скажи, где же он?»

С тех самых пор Жорж Финк и находился в Гренатье – расположенной недалеко отсюда психиатрической больнице для детей и подростков. Гомер слышал разговоры об этом, да и сам ни секунды не сомневался, что его повезли именно туда.

В то же время он ясно понимал: никому вокруг до Жоржа никакого дела нет, – и так жалел, что не успел ни о чем его спросить.

Бедняга Жорж...

Кажется, уже в двадцать восьмой раз Гомер повернулся на другой бок. Потом лег на живот, обхватив подушку руками, закрыл глаза, снова открыл, вздохнул и наконец зажег лампу на ночном столике.

Мягкий свет озарил симпатичную комнатку со светлым паркетом и разноцветной мебелью. Несколько постеров на стенах – любимые фильмы и спортсмены, полароидные фотки друзей, легкий беспорядок на столе. Обычная спальня подростка.

Из общего стиля выбивалась только постель. Маленькая мальчишеская кроватка, очень низкая, с деревянными инкрустациями силуэтов животных. Гомер так старался уговорить маму сменить простыни с детскими мультяшными рисунками – он стыдился их с тех пор, как в спальню стали заходить его друзья. И мама обещала: за переход в пятый класс он получит настоящую взрослую кровать, широкую, с пододеяльниками, пристойными для паренька, которому уже давно не семь лет.

Надо напомнить ей об этом обещании.

Вдруг его внимание привлекла клетка с Биби-Два. Зверек тоже не спал. Встав на задние лапки, он смотрел на Гомера в упор.

– Что, есть захотел? – спросил тот, протягивая ему сквозь прутья клетки тыквенное семечко.

Песчанка, не соизволив принять дар, продолжала смотреть на мальчика.

– Выйти погулять хочешь, что ли? Ну давай...

Он открыл клетку, и песчанка мгновенно взбежала вверх по протянутой им руке.

– Спасибо.

У Гомера перехватило в груди, он не мог пошевелиться. Он только что услышал... что он услышал? Ну разумеется, нет! Животные умеют разговаривать только в кино, и то скорее в мультяшках. И уж точно выражают свои мысли не словами.

Какой необычный выдался денек... Это его так потрясло появление Жоржа у запретной хижины, что теперь ему слышатся голоса. «А ведь впору встревожиться, – подумал он. – Если так пойдет, сам угожу в психушку!»

– Да я же это! Все поймешь потом. Нет, ты не тронулся умом!

Он вдруг часто задышал, сам услышав ускорившиеся удары своего сердца. Нет, не галлюцинация – голос был настоящим!

Дрожа, он включил настольную лампу и обследовал стол. Никого – ни маньяка-психопата, ни страшного клоуна. Может, привидение? «Да перестань, с чего бы тут появиться привидению...» С минутку он подумывал, что стал жертвой розыгрыша. Нинон? Ну нет, она такого делать не станет.

Сложив руки лодочкой, он впустил в ладони Биби-Два и потрясенно уставился на нее.

– Это ты?

Мордочка маленького зверька скривилась, потом песчанка принялась дрыгать лапками, как бы норовя спуститься на пол.

– Как будто бы давно не знаешь ты, что говорить умеют и песчанки, и кроты?

Проскользнув между его ногами, она побежала к двери, так и оставшейся полуоткрытой. Добежав, обернулась и уставилась на Гомера своими крошечными пронзительными глазками. Тот прямо-таки застыл от изумления...

– Иди за мной! – нежным голосом проверещала она.

И выскочила в коридор.

Так и стоя столбом посреди комнаты, Гомер потер лоб, как делал всегда, если что-то ускользало от его понимания. Ему казалось, что он вот-вот сойдет с ума.

Или же случилось и *вправду* нечто неправдоподобное...

А лучший способ развеять чары – выглянуть в коридор.

Он подошел к двери, ноги подгибались, сердце превратилось в гонг, и от его ударов цепенело все тело. Дин. Дон.

Гомер включил фонарик на смартфоне, посмотрел направо, потом налево. Ничего. Решив пойти дальше, он дошагал до лестницы. Вид Биби-Два, стоявшей на задних лапках у верхней ступеньки, едва не заставил его выронить смартфон. Она ждала его. Сомневаться не приходилось. Кстати, едва заметив его, она сразу сбежала по ступенькам вниз.

– Ну уж такого точно быть не может! – проворчал Гомер.

Что за дурацкая идея была выпустить ее из клетки... Мама на этот счет была весьма строга, и их с песчанкой не стоило сводить вместе, особенно перед завтраком. Так что у Гомера не было выбора – он побежал за ней, стараясь поймать!

И нагнал в коридоре, что оказалось совсем нетрудно: она всячески старалась быть у него на глазах.

– Нет, нет, нет, не надо! – прошептал он, увидев, что она направилась к лазейке во входной двери.

Напрасно старался! Песчанка прыгнула туда и исчезла, спустившись в люк, устроенный для Раймона, чтобы пес мог входить и выходить когда ему заблагорассудится. Будь Гомеру два или три года, он тоже мог бы протиснуться в этот люк – в детстве он так и делал, но сейчас он уже был покрупнее шиб-ину. Поэтому, прежде чем открыть дверь, ему пришлось отключить сигнализацию. Мальчик вышел прямо в темную и пугающую ночь.

Как он ненавидел такие ситуации... Если б ему повезло, спал бы сейчас и видел сны. Но гравий, впивавшийся в босые ступни, ясно говорил ему, что это не сон. Забыл сунуть ноги в кеды, вот идиот...

Казалось, Биби-Два хочет быть его проводником. Стоило ему потерять след, как песчанка тут же возникала в светящемся луче смартфона и уводила его дальше и дальше от дома. Так, по крайней мере, думал Гомер: расстояния, ощущения, звуки – все казалось во тьме другим.

Ему стало *ну совсем* не по себе. А когда он заметил, что песчанка карабкается вверх по стене, чтобы потом юркнуть в каминную трубу запретной хижины, сердце и вовсе ушло в пятки. Мало того что Жорж возомнил себя Телемахом, так теперь еще песчанка превратилась в крошку Санта-Клауса!

Приложив ухо к двери, он принялся умолять странное маленькое животное:

– Малыш! Биби-Два! Ну вылезь же оттуда, прошу тебя! Знаешь, как мне из-за тебя влетит.

Он услышал, как за дверью кто-то скребется. С облегчением подумав: «Хорошо, что зверек хоть не расшибся», – он огорчился, что не может его оттуда вытащить, и вдруг вздрогнул.

– Не умоляй, а вызволяй! – пропел мелодичный голосок.

Снова здорво! Он слышит голоса. Вот-вот сойдет с ума, как Жорж. Это заразно, что ли?

И в этот миг у смартфона села батарейка. Фонарик погас, и теперь Гомер в полной растерянности стоял босыми ногами на холодной земле в темную ночь. – Мама спать давно легла, ключ в третьем ящике стола. Не страшись, все скроет мгла. Взяв, несись сюда стремглав...

Глава 5

Тут не могло быть двух мнений – положение абсолютно ненормальное. Гомеру давно пора крепко спать, а он вместо этого шарит в столе матери по совету, а точнее по приказу, песчанки, которая умеет говорить.

И ведь пришлось признать, что она права: ключ от запретной хижины здесь, на дне третьего ящика. Как крохотная зверюшка, и в доме-то живущая всего несколько дней, могла об этом прознать?

– Да неужели это для тебя сейчас удивительнее всего? – вслух осадил сам себя Гомер.

Он покачал головой, изумляясь себе. Проблема не в том, откуда Биби-Два знала про ключ, а в том, как и почему зверюшка умела говорить!

Расстройство сознания, вот что с ним стряслось. После прихода Жоржа Финка у него поехала крыша, другого объяснения быть не может. Ибо песчанки говорить не умеют.

Ни в каком случае.

В голове накопилось столько вопросов... Нечего и надеяться обдумать их и тем более упорядочить. Он словно перегрелся. Еще немного – и он не удивится, если из ушей повалит дым.

– Сейчас надо перестать думать, что ты в кинофильме, – пробормотал он.

В сумраке комнаты ключ выглядел меньше, чем он помнил. Надо забрать его, но ведь это нарушение строгого материнского запрета! Или лучше будет просто вернуться к себе в спальню, сделав вид, будто ничего не произошло? Биби-Два хитроумна: уж если ей удалось проникнуть в хижину, значит, и выбраться сама сумеет.

Да, просто нужно вернуться к себе, а завтра утром проснуться в своей кровати, а в клетке будет спокойно спать его песчанка, и она не будет уметь разговаривать. Все станет как обычно, а он только улыбнется, вспомнив этот сон, такой странный, неотличимый от яви.

Но что-то в глубине души подталкивало поступить наоборот. И едва он сжал в руке ключ, как сразу понял: нужно довериться интуиции и довести все, что происходит, до конца.

Не сомневаясь, что это всего лишь начало.

* * *

Стоило Гомеру открыть дверь, как его обдало не только холодком, но и затхлым запахом. Он колебался, не решаясь включить свет. Но в почти кромешной темноте не найти сбежавшую песчанку. А ведь он за этим пришел! И, замирая от страха, он повернул выключатель.

Полицейские заходили сюда пять лет назад, и с тех пор обстановка в монтажной студии так и оставалась неизменной: все вверх дном, толстый слой пыли и даже кружочки паутины повсюду.

Все показалось ему словно уменьшившимся в размерах, как прежде ключ. И гораздо более гнетущим. – Биби-Два, ну пойдем же наконец, это уже не смешно!

Его голос прозвучал странно, тоньше обычного. Это место пробуждало столько воспоминаний, что ему стало не по себе и перехватило горло. Казалось, кинопроектор вот-вот начнет показывать сценки, отснятые на пленку: тяжелые бобины были заряжены, стоило только нажать кнопку... Но Гомер не посмел бы этого сделать ни за что на свете.

Присутствие – а точнее сказать, отсутствие – отца чувствовалось здесь гораздо сильнее, чем в машине или гараже.

Наконец он заметил песчанку: та стояла на стопке бобин. Обрадовавшись, что ее увидели, она перепрыгнула на толстую тетрадь в красной обложке. И хотя страницы разбухли от

влажности, Гомер ее узнал – это была тетрадь отца. Тот записывал в нее все, что касалось съемок его фильма: характеристики персонажей, зарисовки декора и костюмов, сюжет, фрагменты сценария – все-все до мельчайших деталей. Этот фильм был его настоящей страстью, отец работал над ним несколько лет. Он никогда бы не бросил эту работу прямо в разгар съемок из-за какого-нибудь безрассудства. Изабель Пим до потери дыхания кричала об этом, но ей никто не верил. Всем казалась правдоподобнее версия «нежданная любовная страсть – перемена образа жизни – начать все с нуля в других краях». И люди жалели несчастную женщину, брошенную одну с малышом.

А потом все просто-напросто отвернулись от них.

– Здесь на все секреты есть разгадки и ответы! – снова тренькнул мелодичный голосок.

– А, так ты всегда говоришь в рифму... – заметил Гомер. На него вдруг навалилась страшная усталость. – Ты в меня верь – тогда без потерь тайну раскроешь. Читай же теперь!

Песчанка спрыгнула с обложки и попыталась лапкой приподнять ее, открыв первую страницу.

Гомер, словно зачарованный, отбросил старый хлам, лежавший на выдавшем виды кожаном диване, и рухнул на него прямо посреди папок и непонятного барахла, разбросанного как попало. Перед ним висел пожелтевший от времени экран, заслонявший кусок стены.

Схватив тетрадь, он положил ее себе на колени, раскрыл и начал читать, а Биби перелезла к нему на плечо.

Сюжет был ему известен, к тому же в этом году он проходил его в школе. «Одиссея». Приключения героя, о них рассказал Гомер... и другие античные поэты. Отец обожал греческую мифологию, все эти легенды, эпические сказания, их персонажей с необыкновенной и трагической судьбой. Он ведь и сына назвал Гомером не случайно. Вместо того чтобы представляться так: «Меня зовут Гомер, как персонажа „Симпсонов“»³, – классно сказать: «Меня зовут Гомер, как древнего поэта, аэда. Вы что, не знаете его?!»

И вот благодаря этой отцовской страсти в детстве малыша баюкали приключениями богов и героев. Одиссей, Зевс, Ахилл – он все знал про них.

Давид Пим, отучившись на факультете киноискусства, снял пару-тройку фильмов, не снискавших особого успеха, и наконец окунулся в потрясающий проект: экранизацию знаменитой «Одиссеи» на современный лад, причудливый и неслыханный, и вот сейчас Гомеру предстояло проникнуть в его замысел до самых мельчайших подробностей.

Версия отца была захватывающей, но она еще и очень воодушевляла Гомера, находившего в ней все то, что ему так нравилось в отце: его воображение, пристрастие к пышным старинным мирам и, конечно, поэтичность его натуры.

В середине тетрадки Гомер заметил оторванный кусочек киноплёнки – это была закладка. Мальчик поднял его, чтобы рассмотреть на свет.

ПРИГЛАШЕНИЕ
ЦИРК ИТАКИ
Путешествие в царство чудес,
чудовищное и возвышенное

Он машинально сунул обрывок в карман пижамных штанов и снова уставился в тетрадь. Поглощенный чтением, Гомер вздрогнул: Биби прыгнула сразу обеими лапками прямо на разворот тетрадки.

– Дай же мне прочесть, – проворчал он, снимая ее, чтобы переложить себе на плечо.

Пять секунд посидев там, она снова взялась за свое. – Ты хочешь меня совсем рассердить?

---

³ Американский мультипликационный сериал «Симпсоны». – Прим. ред.

Она вдруг взглянула на него таким лукавым, почти человеческим взглядом. Потом нагнулась, чтобы дотронуться лапками до бумаги, и вонзила в лист маленькие коготки.

– Эй, это что такое? – возмутился Гомер.

Биби ухитрилась вырвать из тетради целое слово, как дерево с корнями вырывают из почвы! Вот она поднатужилась изо всех сил, кряхтя и отдуваясь, и от бумаги отделилась уже целая фраза вместе с нарисованной раскадровкой. Отнюдь не собираясь на этом останавливаться, Биби подбросила фразу в воздух, и написанные синими чернилами слова и рисунки принялись летать перед глазами Гомера, расширившимися от ужаса. А за это время песчанка лихорадочно вырывала другие фразы, бросала их вверх, тем самым опустошая страницу от всего, что на ней написано, пока на всю монтажную студию не обрушился настоящий дождь из слов.

Когда страница стала девственно-белой, Биби прыгнула на плечо Гомеру, онемевшему от изумления, и, словно миниатюрный дирижер оркестра, принялась размахивать передней лапкой в воздухе. Тогда слова построились в один длинный завиток; он все рос, становился все длиннее, пока слова послушно выстраивались друг за другом.

Гомер ощутил настоящий порыв сильного ветра, вызванный этими движениями, волосы его развевались, точно в бурю, самые легкие предметы поднимались в воздух, и даже маленькому зверьку пришлось уцепиться за майку юного хозяина, чтоб его не отбросило на стенку или не ударило об пол.

Вдруг старомодный и громоздкий кинопроектор включился, и на заслонявшем стену экране возник яркий конусообразный пучок света. Появившиеся картинки сменялись, но Гомер инстинктивно зажмурился, боясь ослепнуть или повредить зрение. Он кое-что знал о тех чувствах, которые способен вызывать и теплый луч света, исторгаемый кинопроектором, и обволакивающие его завитки из слов. Буквы, фразы проплывали мимо него, нежно касались щек, приподнимали... и увлекали куда-то вдаль.

Внезапно снова воцарилась тишина. Но Гомер не осмеливался сразу открыть глаза. Какое-то внутреннее чувство шепнуло ему, что он по-прежнему не у себя в кроватке и все это не небывалый сон из тех, что бывают такими яркими, словно пережиты на самом деле.

Еще не разлепив ресниц, он тронул себя за плечо. Песчанка по-прежнему была там – зверек весь трясся, жадно вцепившись в его майку.

– Ох, ну и торнадо! Но то, что нам надо! – выдохнула ему в ухо Биби-Два.

В воздухе благоухали ароматы сладкой ваты, а где-то вдали, кажется, раздавались звуки марша. С каждой секундой любопытство все больше побеждало в Гомере дурные предчувствия. Он отважился приоткрыть один глаз, потом другой: прямо перед его глазами растянулся остров, на котором высился купол цирка шапито, красный с золотой окантовкой, и в лучах заката развевались на ветру его призывные флажки.

Мальчуган вытаращил глаза, сам не свой от удивления и тревоги: этот цирк был точь-в-точь как тот самый, что его отец нарисовал как декорацию к фильму. – Последний челнок до цирка Итаки, сюда, пожалуйста! – прозвенел женский голос, строгий и громкий.

Взглянув, кто зывал его, Гомер невольно отпрянул назад.

Человеческое лицо с крупными чертами и львиная грива, по которой пробегали электрические красноватые огненные искры, козлиная бородка и хвост в виде змеи с раздвоенным языком, мохнатое и приземистое туловище прикрыто красной бархатной мантией... Это существо, столь же очаровательное, сколь и грозное, приподнялось на задних лапах, устремив пылающий взор на мальчугана, вдруг почувствовавшего, до чего же он мал и беззащитен.

– Глазам не верю, кажется, химера... – пролепетал он.

– Кого позвали, тот идет! Она не всех так долго ждет, – прошептал ему на ухо зверек, словно подтверждая его предположение.

Химера протянула ему лапу, обутую в сабо с безупречной лакировкой, изображавшей усыпанную блестками розу.

– Попрошу вас, – снова сказала она.

Этому голосу, настойчивому и почти раздраженному, возражать не приходилось. Гомер осмотрелся, потом оглянулся. Он стоял тут один. Приказ был отдан именно ему.

Тут он вдруг увидел монтажную студию, диван, на котором только что сидел, кинопроектор, конус яркого света с плавающими внутри изображениями, бобины, беспорядок. Он видел все это с обратной стороны экрана, как в открытом окне! Но стоило ему окинуть комнату взглядом – и она тут же рассеялась, как мираж.

Отступать некуда.

Тогда Гомер глубоко вздохнул и вместе с песчанкой на плече пошел прямо к химере.

Глава 6

Чернильно-черное море плескалось о борт длинной лодки, вырезанной затейливо, как гондола. По воде ее волокнистые гигантские стрекозы.

За спиной у Гомера химера направляла лодку прямо к острову, озаренному мягким сиянием заходящего солнца. Радостный гомон, который мальчуган услышал еще на берегу, с каждой секундой становился все громче, и теперь можно было различить крутящееся большое колесо и слышать звуки фанфар и веселые детские крики.

Несмотря на всю странность положения, Гомеру ничуть не было страшно – им владело лишь изумление. Только что он в буквальном смысле был пронесен словами сквозь экран, а теперь плыл к таинственному острову на лодке, которой управляла... химера. Но ему было хорошо. Он, кажется, даже немножечко увлекся всем происходящим и был не прочь поскорее осмотреть остров.

«Ну конечно, все это аб-со-лют-но нормально, чего же мне трусить?» – думал он не без некоторой иронии. – Пф-ф-ф. – Мясистые губы химеры издали посвист.

Гомер вздрогнул. Неужели это существо умеет читать мысли? На миг утратив самообладание, он схватился за Биби и прижал ее к себе в поисках поддержки.

– Химера степенна и очень надменна... – шепнул ему на ухо крошечный зверек.

– ...и в настроеньях переменна, – поддержал мальчик.

– Сразу чует, где измена...

– ...и колдунья, несомненно...

Гомер так и прыснул со смеху. Поистине, разговаривать с этой Биби оказалось совсем нетрудно!

– Мы у ворот мира наоборот, – продолжил он, увлеченный игрой.

– Тиш-ш-ше! – загремела химера.

Гомер поджал губы и сделал серьезное лицо. Глубоко вдохнув, он почувствовал соленый морской ветер и густые ароматы сладостей, от которых у него слюнки так и потекли.

Химера взяла курс на причал, освещенный гирляндой качавшихся на ветру разноцветных бумажных фонариков, и вскоре пришвартовалась к берегу. Гомер изумленно следил за тем, как несколько маленьких мартышек в тельняшках подскочили, чтобы закрепить лодку. «Что-то мне шепчет, что удивительные приключения еще только начинаются...»

Стоило ему встать на ноги, как морское течение заставило его пошатнуться, так что химере пришлось схватить мальчугана за шиворот и приподнять над своими широкими лапами в лаковых сабо, после чего она без особой нежности переставила его прямо на причал. Гомера тут же окружили возбужденные припрыгивающие мартышки, одна из которых сразу вцепилась в нижний обшлаг его пижамных штанов и потащила к лестнице, выбитой в скале.

Праздничный шум звучал все призывнее по мере того, как он поднимался по сотне ступенек, которые вели от причала на остров.

Наконец взобравшись на вершину с ноющими от усталости икрами и запыхавшись, Гомер так и застыл, разинув рот. Все казалось ему чрезмерно огромным – и шапито, и большое колесо почти касались неба, а цвета, запахи и звуки смешивались в обострявшем чувства изобилии.

Мартышки за рукав потащили Гомера к входу в цирк – это был пестро раскрашенный свод, у которого стоял человек в башмаках на каблучках и рединготе из черного меха, придававший ему сходство с медведем. Но даже такая впечатляющая статья не шла ни в какое сравнение с тем, что у него... было целых три головы! Громадные, с аккуратно напозаженными шевелюрами, они встрепенулись, закачались на шеях, и три пары глаз уставились на Гомера. Он растерялся, не зная, на какую голову смотреть. Перед ним был сам цербер – такой, каким задумывал его отец: мифологического пса о трех головах каприз воображения Давида Пима

преобразил в трехглавого человека с повадками элегантного медведя, которому в пору танцевать танго. – Билет! – приказала средняя голова.

Громкий баритон испугал Гомера. Он ведь совершенно не понимал, о чем вообще речь.

– Будьте любезны, ваш входной билет! – повторила голова слева.

– Но... у меня нет... – залепетал Гомер.

– Ну конечно же есть, раз вы уже здесь! – прорычала третья.

– В кармане твоей пижамы – вот где билет этот самый, – шепнула песчанка.

Мальчик торопливо пошарил в карманах. Обрывок киноплёнки! Дрожащей рукой он протянул его напوماженному Церберу, который зажег фонарик и внимательно осмотрел «билет». Когда он закончил, все три головы местного стража хором воскликнули:

– Добро пожаловать в цирк Итаки, королевство второго везения!

С этими словами он отступил, освобождая проход, и вернул билет из пленки Гомеру – слишком потрясенному, чтобы с благодарностью раскланяться, как подобало по правилам вежливости.

Аллея, устланная эвкалиптовой корой, извивалась до самого входа на ярмарку, у которого Гомера ожидала весьма необычная особа – такая огромная женщина в широченном черном платье, что в лицо ей можно было посмотреть, только вывернув шею.

– С макушки и до пят, со всем, – рост два метра сорок семь! – уточнила песчанка.

Когда он подошел, великанша приподняла шляпу-котелок в знак приветствия. Гомер вытаращил глаза, увидев, что у нее на плечах примостилась парочка лилипутов. Он еще ни разу в жизни не видел ни такой громадной женщины, ни взрослых ростом с младенцев!

Она молча наклонилась и обмерила его рулеткой, а потом принялась ходить вдоль стойки внутри шкафа-витрины, где на вешалках висели пиджаки разных цветов, но все с обшитыми золотым галуном петлями. Гомер смущенно спрашивал самого себя, как она там поместилась. Но ей понадобилось не больше пары секунд, чтобы извлечь оттуда один пиджак рубиново-красного цвета и взмахнуть им перед Гомером.

– Больше любишь свитера, но костюм сменить пора; да ведь это просто цирк – так какой же в этом риск? – пропела песчанка, увидев, что юный хозяин в замешательстве отступил.

– И то верно, – согласился Гомер.

Пиджак ну никак не шел к его майке и пижамным штанам, не говоря уж о босых ногах, зато прекрасно подходил по размеру и явно был нелишним, учитывая прохладу наступавшей ночи.

Великанша снова наклонилась, рассматривая его поближе, и поддернула у пиджака плечи.

– Пр-р-рекр-р-расно! – изрекла она на удивление хриплым голосом.

И легонько хлопнула его по спине, подтолкнув дальше. Он подчинился, ошеломленный, а лилипуты в это время разбрасывали конфетти, пища тоненькими голосками: «Ура!»

Глава 7

Гомер быстро дошел до ярмарочных аллей, где среди изобилия стендов и вывесок толпились мужчины и женщины самого странного вида – ничего подобного видеть ему до сих пор не приходилось.

– Добрый вечер, юный друг!

Он поднял голову – посмотреть, кто приветствует его с таким воодушевлением: женщина-обрубок, без рук и ног, зато в корсаже и кружевном жабо, свесилась с трапеции, крепления которой уходили далеко-далеко, к звездам. Прямо в небо...

– Мне это привиделось, – прошептал Гомер, вежливо кивая акробатке.

Дальше встретила еще одна необычная женщина, приветливо улыбнувшись ему. Корсет стягивал ее талию до ненормальной худобы – хотя, в конце концов, разве во всем, что тут уже видел Гомер, было хоть что-то нормальное? – а главное, она плыла. Плыла по воздуху! Широкая юбка, скрепленная у щиколоток, служила ей маленьким монгольфьером⁴, позволявшим держаться в воздухе и не падать.

Еще подальше какой-то человек с перламутрово-зеленой, как у скарабея, спиной протянул ему разноцветную сладкую вату. Другой, такой изуродованный, что мог передвигаться только на четвереньках, предложил ему шипучий напиток из живой фосфоресцирующей розы.

– Спасибо, – пробормотал Гомер, не в силах оторвать взгляда от такого уродства.

– Пр-р-рошу, др-р-руг мой, – отвечал тот с явным славянским акцентом и улыбкой, обнажившей золотые зубы.

Все они, и мужчины и женщины, обитали в мире, сотворенном отцом Гомера. Но здесь он видел их воочию, мог пожать им руку, вдохнуть их запах, обменяться взглядами или переброситься парой слов.

Они существовали. Человеческие создания, только немного иные, вот кто они были. В голове мелькнуло слово «чудовища», но ему тотчас же стало стыдно.

– Не смущайся, – сказал кто-то за его спиной.

Гомер обернулся: женщина рассматривала его с большим любопытством. Необычайно изящная, в костюме наездницы и с сигаретой в мундштуке, она выглядела как манекен из ателье высокой моды. Но только если не смотреть на ее бороду...

– В каждом из нас есть что-нибудь от чудовища, – продолжала она, затягиваясь и выдыхая дым. – На Итаке, сам видишь, чудовищное так и выпирает из наших лиц, наших тел. Зато в твоём мире оно прячется вот где...

И она приложила руку к его сердцу и к его голове.

Потрясенный такой мудростью, Гомер скромно кивнул и отправился пофланировать среди мужчин со слоновьей кожей или оленьими рогами и женщин: одни столь громадные, что, казалось, их сложили из троих или четверых, а другие – тоненькие и гибкие, точно лианы. Только у него самого здесь были *нормальные* две руки и две ноги, голова и туловище. И он опять смутился оттого, что подумал об этом.

Босые ноги уже почти не чувствовали боли, но путь казался ему нескончаемым лабиринтом, как будто Гомер все шел и шел мимо бесконечных прилавков, не зная, где вход в шумевшее вокруг шاپито. На фоне высоченного, достигавшего небес шатра из красного полотна с белыми помпонами ярмарочный балаган и окружавшие его фургончики бродячих трупп казались миниатюрными. Этот шатер тоже выглядел чудовищным.

– Ш-ш-ш!

---

⁴ Воздушный шар, наполненный горячим воздухом. – Прим. ред.

Вертевший головой во все стороны Гомер едва не проскочил мимо карлика, явно старавшегося привлечь его внимание.

– Это вы мне? – спросил он.

– Ну да, идем же!

Они быстро прошли мимо вывесок тира со стрелами и павильончика волшебной рыбалки, потом ми новали еще десяток разноцветных фургончиков и наконец вышли к канатам, ограждающим шапито. Лопатки карлика выпирали под рединготом, точно сложенные крылышки, и от этого в профиль он очень смахивал на горбуна. – Здесь то, что ты ищешь, – выдохнул он, показав на шапито.

– Но я ничего не ищу!

– Ну конечно, ищешь! Все что-нибудь да ищут.

И он стремительно убежал, прихрамывая, оставив Гомера и песчанку в некотором замешательстве.

– Эй, подожди! – крикнул Гомер ему вслед.

– Сюда! – ответил карлик, снова показав на шапито, и исчез меж двух фургончиков.

– Ну и на том спасибо, – проворчал Гомер.

Потом повернулся к Биби:

– А ты что об этом думаешь?

– Карлик указал путь – надо пойти взглянуть.

– Ну уж пойдем как-нибудь, – согласился Гомер.

Невольная рифма заставила его рассмеяться. Кажется, он уже научился неплохо рифмовать! Отпра вившись в путь по длинному шапито, они прошли расстояние, соответствовавшее многим километрам, перешагивая через толстые тросы, часто встречали мартышек-механиков, у которых за поясом были всевозможные инструменты, и вот наконец достигли величественного порога.

Стражу тут нес, как и у входа на ярмарку, Цербер, похожий на медведя. Тремя парами глаз он властно осмотрел Гомера с Биби и бросил:

– А, вот и вы пожаловали!

Раздвинув пурпурный занавес высотой в добрых двадцать метров, он жестом пригласил их войти внутрь.

Гомер только раз в жизни был на футбольном матче. Отец, незадолго перед тем как исчезнуть, купил билеты на «Стад де Франс», на финал чемпионата, подумав, что это уникальная удача для его сына. Мальчик запомнит это на всю жизнь.

Войдя под своды шапито, он почувствовал в точности то же самое, что на стадионе: помещение грандиозное, кипящее энергией, экс-тра-ор-ди-нар-ное.

Но все скамейки были пусты и утопали в полумраке. Только центральную сцену освещала люстра в виде канделябра с бахромой, величиной больше дома Гомера и всех соседних домов, вместе взятых. Огромная стая собак резвилась посреди полнейшего беспорядка, они носились, лаяли, галдели. Присмотревшись внимательнее, Гомер понял: это был собачий футбольный матч! Присев на скамейку, он стал наблюдать за невиданной игрой. Афганская борзая, горделивая и спесивая, казалась, старалась всячески уклоняться от мяча, а жирненький маленький мопс, высунув язык, носился как ошпаренный, но так ни разу и не поймал его. Лохматый бриар прицеливался для удара, и вся эта какофония лая развеселила Гомера.

И вдруг в этом невероятном шуме и гаме он заметил шиб-ину. Сердце сжалось, особенно когда тот своими раскосыми глазами посмотрел прямо на него. На несколько секунд время словно остановилось.

– Раймон... – прошептал Гомер.

Тут пес торопливо убежал с арены прямо за кулисы. Биби вцепилась в Гомера крошечными лапками в тщетной попытке успокоить его. Мальчик благодарно погладил ее по спинке,

все еще не отрывая взгляда от прохода, в котором исчез шиб-ину. Вдруг он снова увидел его – тот пробежал по коридору вдоль сцены. Гомер резко вскочил, забыв даже, что может уронить свою милую песчанку.

Казалось, пес куда-то звал его. Стоило Гомеру подойти поближе, тот снова бежал дальше, виляя хвостом, потом останавливался, дожидаясь и вновь трусил вперед. Мальчуган, как загипнотизированный, не отрывая глаз, шел следом за ним.

Проникнув за кулисы, пес исчез. Гомер остался здесь один с Биби, вцепившейся в плечо красного пиджака.

Его внимание привлек силуэт: женщина, сидевшая за столом, перешивала цирковые костюмы. Гомер видел только ее спину, склонившуюся над шитьем, и прическу, увенчанную огромным взбитым шиньоном, и вот в нем-то происходило нечто любопытное.

Заинтересованный, он пригляделся внимательнее и едва не упал от удивления. В середине шиньона развевались книжные страницы, крохотный кораблик плыл по бурным волнам, висели облака, вращались солнце и луна... Миниатюрный придуманный мирок, при этом такой же всамделишный, как и мир реальный, выходил прямо из головы этой женщины.

– Красавица, правда? – спросил чей-то голос сзади.

Он вздрогнул. Рядом стоял какой-то человек в изысканном костюме, влюбленным взглядом пожирая швею. Его воротник был украшен галстуком-бабочкой – аксессуаром, полностью соответствовавшим своему названию: великолепная *настоящая* бабочка, голубовато поблескивавшие крылышки которой едва заметно подрагивали.

В этот миг шиб-ину вбежал опять, неся в зубах толстую лупу. Пес потерся о ногу Гомера, как бы подбадривая его, и положил лупу на пол. Мальчик, смущенный, что не догадался сам, схватил ее и наставил на экстравагантную прическу швеи.

Сквозь стекло лупы, чуть-чуть забрызганное долетевшей до него пеной морских волн, Гомер теперь без труда рассмотрел кораблик и людей на борту, крохотных, почти микроскопических. Трое поднимали парус, еще один изо всех сил карабкался на вершину мачты и, кажется, хотел подать знак.

И тут Гомер почувствовал, что сердце его вот-вот перестанет биться.

Там, в живом шиньоне швеи, был отец Гомера, ведь он узнал бы его из всех семи миллиардов людей, живущих на Земле. Уверенность мальчика окрепла еще больше, когда он явно различил, как губы моряка произнесли два слога его имени – тот, видимо, выкрикивал во все горло: ГО-МЕР!

– Папа? – прошептал он.

Гомер успел увидеть, как моряк, словно моля о чем-то, протягивал к нему руку, и тут швея, почувствовав его присутствие, встревоженно обернулась.

Она нахмурилась, прервав работу, и стала разглядывать мальчика, смущенно стоявшего прямо перед ней. – Ты кто? – воскликнула она.

В это мгновение невидимая и неумолимая сила отшвырнула Гомера назад. Не в силах сопротивляться, он видел, как проносится над кулисами, шапито, ярмарочным балаганом, над всем островом Итака.

Прошло всего несколько секунд – и вот он уже сидел на диване в монтажной студии, запыхавшийся и оторопевший.

Глава 8

– Гомер! Гомер! Мой друг, вернись! Очнись, на землю спустись!

Биби-Два уже несколько минут трясла юного хозяина за плечо, а тот все не двигался. Напрасно песчанка щипала его за мочку уха, похлопывала по щекам – ничего не действовало. Недвижно сидя на диване с широко открытыми глазами, Гомер был здесь только телом, а душой где-то витал. Несомненно, всё еще там, на Итаке.

Вдруг он задрожал. Вздохнув так глубоко, будто долго задерживал дыхание, он посмотрел на песчанку, стоявшую на его колене. Потом осмотрел все помещение, где в беспорядке валялись вещи, заново обнаруженные им пять лет спустя.

– Я спал и видел сон, да, Биби? – прошептал он потерянно.

Зверек покачал головкой: нет, – и перепрыгнул мальчику на бедро, а потом исчез в кармане пижамных штанов.

– Эй, ты куда? – воскликнул Гомер.

Он вытащил песчанку из кармана и едва не уронил на пол, заметив в ее лапах золотую пуговицу с выгравированной буквой «И». – Ты хочешь сказать, что все это было взаправду? – пробормотал он.

– Чудовищ парад, карлик горбат, вспомни химеру, пиджак по размеру, цирк шапито, Цербер в пальто!

Гомеру оставалось только разинуть рот. Пусть даже этот зверек умеет читать его мысли – но видеть тот же самый сон он никак не мог!

Он осторожно взял пуговицу и повертел в руках. – Чудно... Вот уж чудно так чудно...

Однако ни он, ни песчанка не осмеливались заговорить о самой чувствительной части пережитого приключения. Гомер уставился в экран, безнадежно белый, а Биби в это время уставилась прямо на него.

– Что там делал мой папа? – пробормотал он.

Как долго он не произносил этого слова – «папа»... и каким странным эхом оно отозвалось.

Песчанка покачала головкой, и, не будь Гомер так поглощен белым экраном, он непременно бы заметил, что зверек всем своим видом выражал сомнение. – Да где это всё, что мы видели? Ты знаешь?

В голосе прозвучала неподдельная тревога.

– Это что, в раю? Потому что если в раю – это значит...

У него не хватило духу закончить. Слово, которое он множество раз произносил про себя, так и не было сказано вслух за все эти пять последних лет.

– В рай попадаешь, если мертвец, а это не твой отец; оставь эти страхи – он на Итаке, в голове у него помутилось, зато колдовство получилось!

– Я буду счастлив в тот день, когда он вернется во плоти и крови. А пока что он на этой Итаке, про которую я не знаю ни где это, ни как туда попасть!

– Да ведь мальчишки падки на всякие непонятки, и, хоть загадок не счесть, все ответы у тебя уже есть.

Про «непонятки» Гомер до сих пор еще не слышал, но догадаться о том, что это означает, было совсем нетрудно. «Непонятки»... сложные вопросы, витиеватые, сумасшедшие, полные странностей... А ответы еще запутаннее!

– Нельзя так уставать, тебе пора поспать, – посоветовала песчанка.

Гомеру оставалось только признать, что она права. Он чувствовал себя совершенно обессиленным. Но стоило ему лечь в постель, как желание спать словно ветром сдуло. При свете ночника он долго разглядывал обрывок киноплёнки, который у него требовал Цербер в мехо-

вом пальто, но ничего необычного в нем не заметил. На всякий случай Гомер засунул его под чехол смартфона, так хотя бы наверняка не потеряет. Как знать... А что, если в один прекрасный день он снова пригодится?

Волосы и майка еще пахли сладкой ватой и жареным арахисом с ярмарки, а босые ноги так и оставались испачканными в грязи. Но он не мог решиться встать и принять душ, чтобы смыть все это, – так боялся, что после этого забудет образ отца, взобравшегося на мачту, как он протягивал руку и звал его на помощь, кричал ему: «Гомер!»

Сжав в ладошке пуговицу, он снова мысленно прокрутил фильм этого невероятного вечера. Фильм...

Тут в голове все так замелькало, что она закружилась. – Но это же невозможно... невозможно... – то и дело повторял он.

Он взглянул на часы: три часа ночи. Конечно, Лилу и Саша давно спят, но все-таки он должен поделиться с кем-нибудь ходом своих мыслей. И его теория, и все только что им обдуманное было похоже на безумие – но кому ж еще его выслушать, как не двум самым близким друзьям?

Он лихорадочно набрал на смартфоне текст сообщения, перечитал, подумав, что теперь-то Лилу и Саша точно сочтут его сумасшедшим, и, чувствуя, что голова вот-вот лопнет, нажал «отправить».

Я ЗНАЮ, ГДЕ МОЙ ОТЕЦ!

Глава 9

Несмотря на свою обычную рассеянность, мама Гомера сразу заметила, что сын очень-очень возбужден. Он не только три раза подряд насыпал сахара в горячие хлопья, но и налил себе кофе, которого никогда не пил. – Да что с тобой сегодня с самого утра? – наконец поинтересовалась она.

– Ничего. Абсолютно ничего.

– Болен? Плохо себя чувствуешь?

– Нет, мама, всё в порядке, уверяю тебя.

Она недоверчиво покосилась на него, потом снова уткнулась в свою электронную почту. Видимо, это никак не могло подождать до часов, отведенных работе.

Когда она встала за новой пачкой масла, ее лежавший на столе смартфон заерзал, показывая входящий вызов; она не услышала. Гомер, насупившись, невольно стрельнул глазами на высветившееся на экране имя: Поль. Не официальные имя и фамилия – какой-нибудь Поль Как-там-его или Поль Трюкач, – нет, одно только имя этого... мужчины, видимо, настолько близкого матери, что незачем было даже заносить его в список контактов по фамилии. Ведь только по имени называют самых душевных друзей, так ведь? Гомер тоже никогда не записал бы друзей как «Саша Мартель» или «Лилу Гольдбер».

Его весьма раздосадовала мысль, что это может быть Поль Марино, массажист, к которому мама ходила на консультации полгода назад из-за болей в плече. Но ведь этот курс был давно пройден... Однажды Гомер как ни в чем не бывало заметил маме, что этот тип то и дело посылает ей сообщения, по его мнению – слишком часто.

Изабель Пим это не слишком волновало. На его звонки она отвечала редко, иногда тянула пару дней, только потом набирая ответные эсэмэски: Гомер, хотя, разумеется, и не испытывал гордости за этот свой поступок, однажды все-таки порылся в ее смартфоне, забытом на кухонном столе.

А вот страница Поля Марино на «Фейсбуке» предоставила Гомеру всю информацию, от которой в пору было встревожиться: сорок два года, улыбчив, увлечения – экстремальные виды спорта, очень доволен своей внешностью, о чем свидетельствовало множество фоток и селфи, заполнявших почти всю его страницу. И еще неприятнее – разведен, отец шестнадцатилетнего парня.

После этого Гомер принялся тихо ненавидеть Поля Марино. Если он задумал подцепить его мать, придется превратить жизнь этого типа в настоящий ад. Внешность благовоспитанного и тихого мальчика – лишь видимость, ибо он чувствует, что способен применить в случае необходимости тайное оружие: стать резким и напористым, показать непробиваемую холодность отчуждения и даже симулировать депрессию. – Гомер! Ты меня слышишь?

Мальчик вздрогнул, только тут увидев, что мама стоит над ним и уже несколько минут наблюдает.

– Да?

– Я подвезу тебя в школу?

Гомер не посмел ответить, что предпочел бы поехать на велосипеде, как обычно делал по утрам. Но в вопросе таилась и слабая надежда: они с мамой виделись так редко, так мало, и как же тут отказаться от возможности провести хоть несколько минут вместе, даже молча или обмениваясь безнадежными банальностями. – И кто же тебе шлет столько эсэмэсок? – спросила она, когда они отъехали от дома.

– Никто... То есть, я хотел сказать, Саша... и Лилу, – поправился Гомер.

– О-о, значит, вам есть что сказать друг другу!

Услышав сигнал смартфона, Гомер отвернулся к окну и нехотя стал разглядывать проносящиеся мимо улицы. Смартфон в кармане так и ерзал, хотя он и предупредил друзей, что все посланное им ночью объяснит при встрече.

Его трясло от нетерпения. Как назло, дорожные работы затрудняли движение, и драгоценные секунды были по-глупому потеряны.

Наконец мама припарковалась у школы за две минуты до начала занятий.

– Спасибо, мам, хорошего дня! – воскликнул он, стремительно выскакивая из машины.

– И тебе, большой мой мальчик, учись как следует.

Гомер ничего не ответил. Сказать по правде, мать не замечала, что скоро конец года и никто сейчас не трудится в полную силу. Кроме разве что мсье Лыса, учителя истории и географии, считавшего делом чести пройти всю программу до конца во что бы то ни стало. – Ты где был? Шевелись, а то напоремся на Лыса! – закричал ему Саша, увидев, как он бежит к входу.

Они с Лилу дожидались его, готовые принять наказание за опоздание из чистой солидарности. Потом стремглав понеслись в кабинет, где проходили занятия, ворвавшись туда в тот самый миг, когда учитель как раз собирался закрыть дверь. Он взглянул на часы и потом обвел взглядом троих опоздавших, которые с самым невинным видом рассаживались за партами. – Ну так? Что с тобой приключилось? – пробормотал Саша на ухо Гомеру.

Лилу, сидевшая перед ними, отодвинулась на стуле и запрокинула голову, чтобы лучше слышать.

– Я знаю, где мой отец... – прошептал Гомер.

– Ну, это ты уже нам сообщил! – шепнула в ответ Лилу, прикрыв рот рукой.

– Это сумасшедшая история. Вы мне не поверите...

– Лилу! Саша! Гомер! Будете продолжать болтать – отправлю на школьный совет! – пригрозил мсье Лыс.

Девочка безропотно выпрямила спину. Ее еще никогда не наказывали, в дневнике у нее не было ни единого замечания за поведение. Она не только была блестящей ученицей, но и хотела иметь безупречную репутацию.

А вот Саша охотно бы рискнул. Но обсуждать без Лилу – об этом не могло быть и речи. Придется подождать перемены, чтобы наконец узнать, что им так хотел сообщить Гомер.

Если только им удастся дожить до конца этого урока, бесконечного и до смерти скучного... Гомер ничего не имел против Людовика XIV, но если ты только что видел вживую великаншу, Цербера, химеру и лилипутов в цирке невообразимых размеров, то Король-Солнце и его Версаль *немножечко* блекнут и выглядят уже не так пышно.

Едва прозвенел звонок, как троица кинулась вон из класса.

– Ну что? – сразу же спросил Саша.

И вдруг Гомер растерялся, не зная, с чего начать. «С начала», – посоветовала бы ему Лилу, которая всегда служила образчиком строгой логики.

– Ну, сначала Биби-Два...

– Гомер, можно тебя на пару слов насчет лотереи?

Услышав голос мадемуазель Драпри, учительницы рисования, Гомер, разумеется, повернулся к ней.

– Э-э... у нас сейчас французский...

– Всего на минутку!

Сдержав вздох, он взглянул на Саша и Лилу, у них тоже был огорченный вид. Общение с мадемуазель Дра при во всех смыслах подтверждало теорию относительности времени, столь любезную сердцу Альберта Эйнштейна: минута с нею длилась не шестьдесят кратких секунд, а целую вечность! А уж если не терпится открыть друзьям безумные тайны... Начав с кучи совершенно лишних подробностей, учительница в конце концов сообщила ему о лотерейных

билетах, которые Нинон обещала передать ей к Новому году. Гомер вежливо выслушал, переступая с ноги на ногу от нетерпения.

– Так я рассчитываю, что ты напомним тете, ладно? – наконец закончила она.

– Сейчас же пошлю ей эсэмэску.

Мадемуазель Драпри уже наметила другую добычу и отпустила мальчика.

– Уф, я чуть не помер, – проворчал он.

– Давай быстрее, а то опять опоздаем! – предупредила его Лилу.

Они шмыгнули в коридор и, как раньше, проскочили в класс под самый звонок, не успев поговорить. В довершение бед все смежные места были заняты, им поневоле пришлось сесть в разных концах. Гомеру уже начинало казаться, что все нарочно складывалось против него, чтобы он не смог обо всем рассказать друзьям.

Затем пришлось вынести самый длинный в его жизни урок французского. Много раз он ловил взгляд Саша, сидевшего у окна: его приятель мучился от любопытства и тоже больше не мог терпеть. Лилу сидела впереди, и Гомер видел только ее спину и длинные каштановые волосы, собранные в высокий хвост. Она притворялась, что слушает учителя, который не нашел более увлекательного занятия, чем чтение вслух по ролям пьесы, и раздал ученикам листочки с текстом, не считаясь с их желанием в этом участвовать. Гомера утешало только одно: ему роли не досталось.

Когда бесконечный урок все-таки завершился, Саша молитвенно сложил руки, возблагодарив небеса.

Не обмолвившись ни словом, они стремительно выскочили из класса, раньше всех вбежали в столовую, набросали на тарелки, что попало под руку, и уселись за самым дальним столиком.

– Ну наконец-то, – сказал Саша, – говори же скорей, что случилось?

– Да всё Биби-Два... – начал было Гомер.

– А я-то думал, это был твой отец, ведь ты сказал, что узнал, где он!

– Дай ему сказать! – проворчала Лилу.

Гомер протер глаза, потом провел рукой по лицу. Все это сейчас казалось бредом.

– С начала, Гомер, начни с начала, – посоветовала ему подруга.

При этих словах он посмотрел на нее так оторопело, будто переживал случившееся заново. Мысли роились в голове, толкали друг друга, летая и потрескивая, как искры.

Друзья вполне могли счесть его сумасшедшим.

Ну и пусть... Он не мог дольше держать в себе эту тайну. Взволнованный, взбудораженный, еще и недоспавший, Гомер отбросил всякую осторожность и приступил к рассказу о ночном приключении.

Глава 10

Школьники небольшими компаниями выходили во двор, шум понемногу стихал, и столовая опустела.

Уборщицы уже торопливо и размашисто стирали со столиков и довольно скоро дошли туда, где еще сидели Гомер, Лилу и Саша, совершенно не слышавшие ничего вокруг.

– Поели? – спросила одна из них.

Никто не отозвался.

– Эй-эй, друзья, подъем! – уже громче сказала уборщица.

Гомер очнулся первым.

– Да, извините, мы сейчас уходим.

Поднявшись, он взял свою тарелку и поставил на тележку для использованной посуды. Его примеру последовали Саша и Лилу, вид у них был такой же потерянный.

– Поговорим там? – предложил он, показывая на стену, отделявшую детский сад от школы.

Скинув рюкзаки, они уселись прямо на землю – мальчики прислонились спиной к большому камню, а Лилу примостилась напротив, обхватив руками колени.

Саша взъерошил волосы, издавая нечто вроде лошадиного ржания, а Лилу покусывала нижнюю губу, глядя на Гомера в упор.

– Итак, вы мне не верите, да? – прошептал тот.

– Да как тебе сказать... – замылся Саша. – Ты не дуйся. Я ведь не говорю, что ты заливаешь. Но вообще это, конечно, нечто!

Гомер посмотрел на Лилу, взглядом прося поддержки, ободрения. Девочка казалась внимательной и встревоженной.

– Ну что ж, если я правильно поняла, ты думаешь, что твой отец заперт внутри фильма, который он же и снимал. И теперь он – пленник мира, сотворенного им самим, – сказала она, чтобы разрядить обстановку. – Да, – ответил Гомер совсем тихонько, сам сознавая всю нелепость своего открытия. – И не только он – еще и Раймон.

Лилу теперь поглядывала на него с опаской. Саша уже не скрывал беспокойства – его правая нога так и подскакивала. У него это означало высшую степень волнения. Гомер почти читал их мысли.

– Знаю, это кажется безумием, но клянусь вам, я не спал! Я *на самом деле* был там, в этом цирке, и даже унес оттуда вот эту пуговицу!

Он потряс перед ними пуговицей с того пиджака, что был на нем прошлой ночью, тут же сообразив, что для доказательства этого маловато. С тем же успехом он мог найти ее в монтажной студии или где-нибудь еще. Как и билет – обрывок пленки...

Гомер вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Разочарованные взгляды друзей заронили сомнение в сердце. А вдруг друзья правы: исчезновение отца расстроило его до такой степени, что рассудок не выдержал, и теперь он готов поверить во что угодно, лишь бы не потерять надежды.

Он глубоко вдохнул и выдохнул, не задерживая дыхания. Плечи опустились. Гомер не помнил, когда в последний раз чувствовал себя таким несчастным.

Сидевший рядом Саша нахмурился. Он, видимо, был искренне удручен тем, что не в силах поверить ему на слово. Он бы с радостью, но... нет. Саша толкнул Гомера локтем, это было принято между ними и означало, что из-за незначительного приступа безумия их дружба ничуть не пострадает.

А вот Лилу что-то быстро соображала, прищурившись, изучая пуговицу, которая все еще была у Гомера в руках.

Вдруг она подняла голову, будто внезапно проснувшись.

– А помните того парня, который приходил к тебе тогда?

– Жорж Финк? – подхватил Гомер.

– Да. Ведь ты говорил, что он был актером в фильме твоего отца?

– Ага, он играл Телемаха. Потому и сдвинулся, вообразив себя этим персонажем.

– Так... так-так-так-так... – повторила она, барабанила пальцами. – А твой отец? Он только ставил фильм или тоже играл в нем?

– Он играл Одиссея, – ответил Гомер, – но эта роль маленькая, потому что фильм в основном про Телемаха в поисках отца – Одиссея, плавающего по морям.

Лилу снова погрузилась в раздумье, к великому огорчению Саша: он не мог понять, куда она клонит. Гомер внутренне молил, чтобы она пришла к тем же выводам, что и он сам.

– А помните, – продолжала Лилу, – Жорж Финк рвался в студию, крича, что его родители Одиссей и Пенелопа и что они там, «по ту сторону»?

– Да он просто слишком вжился в роль... – заметил на это Саша.

– А что, если это была не роль? – предположила Лилу.

Внезапное чувство, к которому привели девочку размышления, заставило ее черные глаза лихорадочно заблестеть, а щеки – порозоветь. Гомер же чувствовал, что череп вот-вот расколется надвое. Все его ночные приключения сходились в одном объяснении – безумном, ирреальном, невероятном. И всё же...

– Уверена, что и ты думаешь о том же, – поддержала его Лилу.

Тут Саша вспыхнул.

– Да расскажите же, наконец! – вскричал он. – Что касается меня, то я не понимаю ничего!

Саша обладал практичным умом, любил конкретность, предпочитал все осязаемое. Зато Гомер отличался мечтательностью, а Лилу – изобретательностью. Каждому свое.

– Что, если реальность слилась с вымыслом? – произнес Гомер.

– Как это? – удивился Саша.

– Если актеры превратились в персонажей фильма... Об этом Гомер думал с тех пор, как очнулся, и теперь вздохнул с огромным облегчением: все наконец было высказано. Однако, произнесенная вслух, эта гипотеза выглядела еще безумнее.

– Погоди-ка, ты хочешь мне сказать, что твой отец и Жорж Финк могли стать Одиссеем и Телемахом? Настоящие живые люди превратились в персонажей фильма?

– Да.

Они в изумлении уставились друг на друга и долго молчали, оба крайне взволнованные.

– А не это ли самое называется шизофренией или как-то там еще? – спросил Саша.

Ему ответил осуждающий взгляд Лилу. Зато Гомеру поневоле пришлось признать, что друг в чем-то прав. – Надеюсь, вы и сами понимаете, что такого просто не бы-ва-ет... – почти с сочувствием сказал Саша. Гомер опустил голову. Ну еще бы, он, конечно, понимал.

– Что, и твоя песчанка туда же? Разговаривать умеет, а? – поинтересовался его приятель.

Тут сердце Гомера ощутило прилив надежды. Если Биби-Два будет столь же словоохотлива с его друзьями, как с ним, это докажет, что он вовсе не спал и не сошел с ума!

– Вы куда после математики? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Пошли к тебе, с песчанкой твоей всё и обсудим! – воскликнул Саша.

– Э-эх... да ведь как раз педсовет, – возразила Лилу. Девочка должна была выступить на нем и всерьез относилась к этой обязанности, ведь речь шла о защите Саша от учителей – те частенько ругали его за плохую успеваемость.

– Да ладно, мы тебя подождем сколько надо! – воскликнул тот. – Не до ночи же этот педсовет...

– Не больше часа, – успокоила она. – И без меня ничего не предпринимайте.

– Без тебя мы никогда и ни-ни, – успокоил ее Гомер, – сама знаешь.

Глава 11

В отличие от Лилу, Гомер и Саша жили в трех километрах от городского центра – в одном квартале, окруженном нависшими над морем утесами и уходящими в бесконечность пляжами.

Если мама, как, например, сегодня утром, отвозила Гомера в школу на своей машине, то возвращался он обычно, сидя на багажнике велосипеда Саша и держась за плечи друга. Ветер часто – да почти всегда! – свистел прямо в лицо, и Саша тяжело отдувался, крутя педали. Гомер изо всех сил помогал ему, наклоняясь то вправо, то влево, но, к счастью для велосипедистов, дорога полого спускалась вниз.

Если занятия заканчивались рано, к ним присоединялась и Лилу на своем велосипеде. Троица заваливалась в берлогу Гомера, засиживаясь допоздна, так что мать Лилу приезжала за ней на машине или провожать ее приходилось Нинон. Отпускать девочку одну идти пешком по этой безлюдной дороге – об этом не могло быть и речи, ведь мир полон опасностей. Впрочем, Гомер научился пользоваться приложением, которое определяет геолокацию, да и вся троица уже скачала его в свои смартфоны.

Сегодня, в летний знойный полдень, друзья отрывалась по полной. Саша гнал как сумасшедший, а Гомер прилип к нему сзади. Оба походили на пару акробатов, стремительно разбегающихся перед большим прыжком. Более юркая Лилу с улыбкой смотрела на них: она ехала сзади, легко и весело. Иногда обгоняла их, только чтобы мило поддразнить. Все, что делала Лилу, всегда и во всем было мило. Не «мило-как-у-простоватого-дебила», а «мило-приятно-и-красиво».

– Что, еле тащимся? – поравнявшись с Саша, который пригнулся к самому рулю, поинтересовалась она. – Воображала! – парировал тот, кинув ей лукавый взгляд.

Чем быстрее они ехали, тем острее чувствовались близость моря, его запах, шум прилива и крики чаек над морской пеной, влажный йодистый воздух, часто оседавший липкой пленкой на всем и вся.

Наконец-то увидев дом семьи Пим, Саша стал сдерживать боковое скольжение – с пассажиром сзади оно было опасно. Гомер спрыгнул наземь, пока его «водитель» еще только притормаживал. А вот аккуратная Лилу уже осторожно прислонила свой велосипед к стене.

Она любила бывать у Гомера в его большом доме с невысокой крышей, типичной для этих краев, с серой кровлей и фахверковыми⁵ стенами, но главное, что там всегда было тихо и очень уютно. У семьи Гольдбер все было наоборот: повсюду царил веселый беспорядок, который устраивали четыре брата Лилу, а родители, владельцы самой крупной местной парковки, давно перестали с этим бороться.

А вот Саша жил в скромном домике, давно требовавшем ремонта. Но он не поэтому любил приходить к своему приятелю: облупленные стены, влажность, плохое отопление – все это было ничто по сравнению с его отцом и двумя братьями, всегда искавшими проблем и умевшими на них нарываться. Один из его братьев уже отсидел в тюрьме за грабеж с применением насилия. Саша чувствовал, что совсем не похож на них, но все вокруг думали, что и он такой же – дурное семья.

К счастью, он вполне мог рассчитывать, что друзья – Гомер и Лилу – ценят его по достоинству.

Все трое могли рассчитывать друг на друга.

---

⁵ Фахверк – особая техника постройки домов и стен, распространенная в Центральной и Северной Европе, при которой детали каркаса стен остаются видимыми: сначала создается каркас из горизонтально и вертикально пересекающихся деревянных балок, а промежутки между ними заполняются камнем, кирпичом и глиной.

Прежде чем обсуждать Биби-Два, мальчики решили покончить с другой темой – педсоветом. Если успеваемость Гомера не вызывала никаких вопросов, то по поводу ситуации Саша среди учителей, наоборот, шли бурные дебаты. Он очень обрадовался, когда Лилу, выйдя после педсовета, сообщила ему, что он переходит в пятый класс. И хотя она и не вдавалась в подробности, по выражению ее лица Саша понял: ей пришлось трудно.

– Ну? Так что они сказали? – спросил он, как только друзья оказались в берлоге Гомера.

– Знаешь, было жарко, – обобщила Лилу, – но в пятый ты переходишь, и это самое главное.

– Ты не хочешь мне рассказать?

Лилу вздохнула: ей явно не хотелось описывать все в деталях.

– Я недостаточно хорошо работаю, да? – настаивал Саша.

– М-м-м...

– Спорю на что угодно, Добронтон упоминал моих братьев.

– М-м-м...

Приняв напыщенную позу учителя математики и физики, он изобразил, подражая его интонации:

– Саша, ты вот-вот последуешь печальному примеру твоих братьев, и это приведет тебя туда же!

Что означало: в лучшем случае – в никуда, в худшем – в тюрьму.

Гомер с Лилу опустили глаза. Это тянулось еще с начальных классов: все признавали, что Саша способный мальчик, но ему мешает отсутствие сосредоточенности, трудолюбия, серьезности.

– Вот тебе раз, да что они там все думают?! – занервничал он. – Думают, легко заниматься в доме, где все только между собой ругаются и всем плевать, что тебе надо делать уроки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.